

ональные государственные приоритеты будут являться приоритетами высшего порядка и государство не оставит без внимания БАМ, его легендарных строителей и их потомков, просябующих ныне у великого железнодорожного пути. А БАМ станет тем мощным локомотивом, который выведет нашу экономику к высотам мирового уровня.

А.М. ПЛЕХАНОВА

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ БУРЯТ-МОНГОЛИИ В ПЕРИОД НЭПА

Налоговая политика государства является, как известно, мощным методом стимулирования или же, напротив, прекращения того или иного вида хозяйственной деятельности, а ее изучение в историческом аспекте позволяет сделать выводы об отношении государства к этой деятельности. Пожалуй, ни один период в истории советской налоговой политики по своему многообразию и эффективности воздействия, не может сравниться с 20-ми гг. XX столетия, когда применение государством различных налоговых принципов по отношению к разным формам хозяйствования в зависимости от формы собственности в сочетании с другими мерами довольно быстро приводили к ожидаемым государством результатам. В этом отношении поучительно проанализировать влияние налоговой политики государства на частнокапиталистический социально-экономический уклад в условиях нэпа.

Постановка этой темы на общесоюзном уровне не является новой и имеет в советской историографии свои традиции, в соответствии с которыми до недавнего времени принято было считать, что к концу 1920-х гг. государство с помощью экономических мер воздействия, и частично административных, вытеснило частный капитал из экономики по причине того, что позитивные возможности его использования в условиях нэпа были исчерпаны (См.: *Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920-е—начало 1930-х гг. М., 1978; Дудукалов В.И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928). Томск, 1978*). Нэпманы обвинялись в нежелании конструктивного сотрудничества, а политика властей выводилась из зоны критики. На наш взгляд, данное утверждение нуждается в пересмотре. И в современных условиях выработки новой концепции истории советского общества настойчиво делаются призывы к такому пересмотру (*Лельчук В.С. Выбор путей и методов строительства социализма // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 18; Чимитова Д.К. Национальные районы Сибири 1920–1930-х гг. в отечест-*

венной историографии: экономика и культура. Улан-Удэ, 2005. С. 49), ведется конкретная исследовательская работа в этом направлении (Литвина В.И., Агалаков В.Т. *Частное предпринимательство в Восточной Сибири на исходе НЭПа // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 154–157; Грик Н.А. К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики (1921–1933 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX в.–I трети XX в. Томск, 1994. С. 155–165; Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998).*

Попытаемся оценить налоговую политику государства в отношении частного капитала Бурят-Монголии в период нэпа (нэпманской буржуазией в полном смысле этого слова в силу своей слабости и малочисленности частный сектор республики не являлся), ответив при этом на вопрос: к каким мерам воздействия — экономическим или административным можно отнести налоговую практику 1920-х гг. в отношении частного капитала.

В теоретическом плане частнохозяйственный капитал в 1920-е гг. понимался как «все те капиталистические предприятия (промышленные, сельскохозяйственные, торговые), которые никакими договорными отношениями с государством не связаны» (Сегал Л., Таль Б. *Экономическая политика Советской власти. М.; Л., 1929. С. 89*). С практической точки зрения к частным предпринимателям могли относиться гораздо более широкие слои населения. К примеру, в докладе комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения страны в середине 1920-х гг. к капиталистическим элементам отнесены: «живущие на доход от сдачи домов, комнат и прочих помещений, кустари, ремесленники, торговцы, прочие лица, живущие на нетрудовые доходы» (*Тяжесть обложения в СССР: социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 годах: доклад комиссии СНК по изучению тяжести обложения населения Союза ССР. М., 1929. С. 162*). На наш взгляд, применительно к периоду нэпа под частным капиталом уместно понимать лица или организации, которые, как правило, используя наемный труд, занимаются производством товаров и услуг с целью получения прибыли, дохода (по терминологии тех лет — «наживы»).

В Бурят-Монголии в период осуществления нэпа сферами наибольшего приложения капитала частных были розничная торговля, сырьевые заготовки, золотодобыча и кустарно-ремесленное производство. Так, в 1924 г. удельный вес частной торговли составлял 81,4% розничного товарооборота республики (*Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет. Верхнеудинск, 1933. С. 28*); из 72 разрабатываемых месторождений арендаторами 62 золотоносных участков являлись частные предприниматели (*Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. Верхнеудинск, 1927. С. 39*). Частнособственническая промышленность ограничивалась лишь рядом мелких предприятий, среди которых можно отметить мыло-

варенный завод братьев Ицкович в Верхнеудинске производительностью 3 000 пудов мыла в год при 7 рабочих и конфетно-шоколадную фабрику братьев Молдовар производительностью 1500 пудов при 5 рабочих (*Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 753. Д. 96. Л. 17 об.*).

Система налогов в отношении частного капитала, сложившаяся в годы нэпа, включала взимание промыслового налога, состоявшего из патентного сбора, устанавливающегося в определенных ставках, и уравнительного, который определялся величиной оборота предприятия, увеличиваемого или уменьшаемого по решению Налоговой комиссии, и исчислялся с предприятия вне всякой зависимости от доходности или убыточности последнего; подоходного налога в составе основного (классного) и прогрессивного, взимаемого с совокупности полученных доходов. Кроме того, с частного капитала взимались рентный, квартирный, военный и несколько местных налогов, акцизные сборы с табачных изделий, спичек, сахара, соли, тканей, спиртных напитков и т.п., а также пошлины, среди которых главную роль играл гербовый сбор.

Анализ налоговой практики обнаруживает явную тенденцию перемещения центра тяжести обложения частного капитала от промыслового налога к подоходному. При неизменности законодательных норм обложения промысловым налогом с 1923/24 гг., а подоходным — с 1924/25 гг., тяжесть обложения первым несколько уменьшилась, тогда как тяжесть подоходного налога для частнокапиталистического сектора увеличилась с 4,7% от общей суммы доходов в 1925/26 гг. (*Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. Верхнеудинск, 1927. С. 47*) до 9,7% в 1927/28 гг. (*Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927–1930. Верхнеудинск, 1931. С. 340*), т.е. в 2,1 раза. Подобное направление развития налоговой практики работы органов фиска свидетельствует о все более отчетливо проявляющемся классовом подходе государства к частнокапиталистическому предпринимательству.

Подоходный налог значительно усилил налоговый пресс на частных предпринимателей. В 1926 г. ставки налога в отношении владельцев и совладельцев торговых предприятий были значительно повышены, с доведением прогрессии до 45%, т.е. в полтора раза по сравнению с 1924/25 гг., в то время как государственные и кооперативные организации должны были выплачивать всего 8% (*Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1925–1926. Верхнеудинск, 1927. С. 47*). В совокупности с повышением размеров местных сборов данная налоговая практика привела к тому, что в 1928/29 гг. процент налогового изъятия с частнокапиталистических торговых и промышленных предприятий составил 95% от суммы всего чистого дохода (*Бурят-Монгольская АССР за десять лет. М.; Иркутск, 1933. С. 92*). И даже пеня за несвоевременную выплату налогов с государственных и кооперативных предприятий вычислялась в размере 0,1%, а с частных предприятий и лиц — 1,3%.

Подобный налоговый пресс вызывал ответную реакцию частных предпринимателей, выразившуюся, прежде всего, в активном уклонении от налоговых выплат путем сокрытия оборотов предприятий, в росте недоимок налоговых поступлений по частному сектору. Так, в Бурят-Монголии в 1925/26 г. за уклонение от уплаты подоходного налога были подвергнуты штрафу 1 078 чел., от 507 частных предприятий и лиц были поданы жалобы и возражения на неправильное исчисление налога (*Финансовое положение Бурреспублики (годовой отчет БНКФ за 1925–1926 гг.). Верхнеудинск, 1926. С. 8–9*).

Началом окончательной ликвидации частного капитала в Бурят-Монголии, как и по всей стране, стали трудности в проведении хлебозаготовок 1927/28 г. Местным органам власти предписывалось в обязательном порядке привлекать к уголовной ответственности по статьям 61 (отказ от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение) и 107 (злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок) Уголовного кодекса, предусматривавшие в качестве меры наказания, лишение свободы на срок до двух лет и более, с конфискацией имущества и выселением из мест постоянного проживания. Применение этих статей сопровождалось значительными «перегибами», особенно в части использования конфискации. Так, на майском (1928 г.) объединенном пленуме обкома и ОКК ВКП(б) Бурят-Монгольской АССР первый секретарь обкома М.М. Сахьянова констатировала, что при использовании конфискационной меры в рамках 107 статьи на местах «имеется целый ряд искажений и недостатков», сводившихся к тому, что конфисковывалось все мыслимое и немислимое имущество, вплоть до предметов личного быта (*НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 928. Л. 258*). При этом поводом к аресту, конфискации товаров и всего имущества частного предпринимателя могли служить не только скупка им хлеба и других дефицитных товаров в пределах, превышающих потребности индивидуального хозяйства, но и даже сам факт владения крупным недвижимым имуществом или наличие в магазине большого количества товаров. Действия в отношении частных предпринимателей все более стали распространяться со сферы непосредственной частнокапиталистической деятельности на чисто бытовой уровень. Представители частного капитала и члены их семей строго ограничивались в своих гражданских и имущественных правах по сравнению с остальными слоями населения, они лишались избирательных прав.

Подобные действия привели фактически к полному свертыванию легальной частнокапиталистической деятельности. К 1929 г. в Бурятии не было ни одного частного ценового предприятия или крупного магазина, частный сектор в кустарно-ремесленном производстве составлял 0,6% по количеству участников производства и 0,9% по объему валовой продукции (*Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927–1930. Верхнеудинск, 1931. С. 174–175*), удельный вес частной тор-

говли в товарообороте республики составлял 5,8% (*Отчет правительства Бурят-Монгольской АССР. 1928–1930 гг. М., 1931. С. 49*).

Анализ причин свертывания частного предпринимательства показывает, что увеличение налогового пресса в отношении частного капитала к концу 1920-х гг. достигло той степени, когда дальнейшее развитие хозяйственной деятельности становилось невыгодным и даже опасным. Подобные действия государства однозначно могут оцениваться лишь как административные по своей сути. Можно утверждать, что экономическая политика в конце 1920-х гг. зашла в тупик, так как какое-либо развитие индивидуального хозяйствования в условиях политического и экономического произвола по отношению к нему, было невозможно, возвращение же к новому варианту нэпа, в условиях развернувшихся индустриализации и коллективизации, тоже не могло произойти.

Таким образом, налоговая политика в Бурят-Монголии, как один из важных «рычагов» регулирования экономики в 1920-е гг., претерпела, как и в целом по всей стране, значительные изменения: вместо прямого, голого административного насилия периода военного коммунизма появилась налоговая политика, однако в ней остались прежние социально-классовые, а не хозяйственные приоритеты. Принципы налоговой политики не оставались неизменными, а претерпели трансформацию: увеличение ставок и прогрессии обложения частного капитала — обложение по оборотам и доходам текущего года — авансовый сбор налогов — применение индивидуального, а не нормативного метода определения прибыльности предприятия, хозяйства — переход от применения принудительных мер взыскания налогов в «ударном» порядке к систематическому их использованию (описание имущества и продажа его с торгов, привлечение к уголовной ответственности и др.).

Усиление и все большее преобладание административно-правовых методов воздействия над экономическими имело вполне определенную реакцию частнопредпринимательских кругов, выразившуюся в сопротивлении. Последнее стало приобретать разнообразные формы: переход к нелегальной деятельности в кустарно-ремесленной промышленности, в том числе в промысловой кооперации; сокрытие доходов и уклонение от уплаты налогов; спекулятивные операции и т.д. Естественно, усиление карательных методов привело, в конечном счете, к тому, что частное предпринимательство прекратило развитие, не исчерпав своих потенциальных возможностей.

К концу 1929 г. государственная политика по отношению к представителям частного капитала приобретала все более наступательный характер, а применяемые к ним меры становились все более суровыми и насильственными. В совокупности с широкомасштабной пропагандистской кампанией против всякой частной предпринимательской деятельности и инициативы это привело к формированию в сознании советского

общества определенного негативного стереотипа при восприятии образа частного предпринимателя, а частный бизнес как таковой стал ассоциироваться с вредительством и злостной спекуляцией. На многие годы вперед было обеспечено враждебное отношение к проявлению любых предпринимательских начал, а монопольное положение государства на рынке лишило его возможности конкурентной борьбы за потребителя.

Таким образом, анализ опыта нэпа выявляет прецедент грубого отношения власти к частному капиталу, институциональная незащищенность которого не позволила раскрыться предпринимательскому потенциалу республики. Жесткий контроль всех составляющих рыночного процесса (опт, розница, ценообразование, кредитование, налогообложение), преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов — факторы, не только разрушившие хрупкую систему хозяйственных связей, но лишившие страну выбора наиболее эффективного способа экономического развития. Опыт нэпа доказывает, что степень и пределы вмешательства государства в экономику должны определяться и корректироваться собственно рыночным процессом, все участники которого должны выступать равноправными партнерами.

Т.А. ПРИВАЛОВА

СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Во второй половине 1960-х гг. одним из направлений в работе правоохранительных органов была охрана государственного и общественного имущества в Иркутской области. С 1961 г. райкомами и горкомами КПСС были приняты некоторые меры к усилению и совершенствованию охраны государственного и общественного имущества.

В 1960 г. был проведен обзор работы органов прокуратуры Иркутской области по надзору за исполнением законов об охране социалистической собственности. Обобщением было установлено, что положение с сохранностью государственного и общественного имущества в основных торгующих организациях в 1960 г. было неудовлетворительным, по сравнению с прошлым 1959 г. по отдельным организациям оно или ухудшилось или осталось на том же уровне. И это имело место при том условии, что органы прокуратуры области работу по надзору за исполнением законов об охране социалистической собственности в 1960 г. несколько активизировали. Однако состояние охраны материальных ценностей во многих предприятиях, организациях, учреждениях, совхозах, колхозах, стройках, в системе государственной и кооперативной торговли во второй половине 1960-х гг. оставалось неудовлетворительным, а число